

Призрачный патриот

Зов Родины

Призрачный патриот
Зов Родины

«Автор»

2026

патриот П.

Зов Родины / П. патриот — «Автор», 2026

2028 год. Специальная военная операция завершена, но мир так и не наступил. Ослепленный собственной пропагандой и ведомый ложными лозунгами, блок НАТО использует масштабную провокацию на границе как повод для прямого вторжения. Машина коллективного Запада начинает оккупацию русской земли. На острие ответного удара оказывается отряд Сил специальных операций под командованием капитана Виктора Кузнецова. Им предстоит действовать в условиях полного технологического превосходства врага, преодолевать системные ошибки, вычислять кротов в собственных рядах и идти до конца – даже если карающий выстрел придется делать в самом сердце Европы. Смогут ли герои остановить оккупантов, когда цена победы невосполнима, или Родина обречена? Честный роман о силе духа, русском коллективизме и долге, который превыше жизни.

© патриот П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1: Вторжение	6
Глава 2: В глуши	9
Глава 3: Москва	17
Глава 4: «Призраки»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Призрачный патриот Зов Родины

Предисловие

Эту книгу я написал для создания игры, чтобы когда я запишу свои мысли в виде полноценного повествования, российские игровые студии смогли черпать из записей нужные элементы для создания полноценной игры. Это не самый обычный сюжет, если учитывать, что он про глобальный конфликт между Россией и блоком НАТО. Первоначально я придумал его в раннем возрасте когда играл в игры по типу «Call of Duty». Мне совсем не понравилось, что в последних частях серии, в которые играл были не про Вторую мировую войну, а про современность. Всё бы ничего, но в основной массе там враги – русские. Мне захотелось создать свой сюжет про войну России и Америки от лица российских спецназовцев. В этом мне помогали моды для серии игр. Я и сам стал делать модификации для игры, но мне всегда этого было мало. Поначалу врагом была представлена только американская армия, это было очень смешным для меня. Поэтому я вписал в сюжет блок НАТО для большей реалистичности. Всё это смотрелось всё равно очень упрощенным с мотивациями главного антагониста, который считает Россию угрозой Западу, поэтому я добавил в сюжет много моральных дилемм и сюжетных поворотов в конце концов сделав не простенький «боевичок» по типу «бей врагов, вот и вся наука», а именно разные точки зрения на вышеупомянутый конфликт, но при этом акцентировал большое внимание на веру в истинные ценности, которые представляет моя Родина в условиях информационной войны. У врагов есть те люди, которые как проявляют агрессию к бойцам, так и желают помочь, симпатизируя РФ, потому что в реальной жизни не так всё однозначно, как в играх с упрощением понятий. Именно эти темы я и постарался поднять в своём сюжете, но сделать это не совсем стандартным способом. Должен предупредить, диалоги прописаны как субтитры к репликам персонажей из игр. Это было сделано для того, чтобы читатель мог сразу видеть, кто именно говорит. Приятного чтения!

Глава 1: Вторжение

« Война – это путь обмана » – Сунь-цзы

Апрель 2028 года, аура казармы, ещё хранившая прохладу предрассветного часа, была плотной и умиротворяющей. Где-то за окном, за бетонными белыми стенами, начиналось утро – то самое, раннее и безмятежное, какое бывает лишь в глубине России, когда сонный свет только-только касается вершин сосен. Военная база почти у границы РФ казалась неприступной крепостью. Капитан Виктор Кузнецов спал крепко, словно камень, на своей койке, его дыхание было размеренным и глубоким. Тренировки, стрельбища, бесконечные пробежки – тело требовало этого покоя, и разум послушно отключался, погружаясь в черноту, где не было ни приказов, ни врагов, ни сложных решений.

Этот покой был разорван в клочья.

Сначала – глухой, низкий гул, который заставил волосы на руках встать дыбом, ещё до того, как его сознание проснулось. Затем – пронзительный, нарастающий вой сирены. Резкий, неестественный, он пронзил тишину и казалось, вонзился прямо в душу. Все вскочили одновременно. Сердца забились бешеными барабанами, отдаваясь в висках. Первой мыслью, обманчивой и привычной было: «Учения. Опять. В такую рань?». Сквозь полусонную пелену кто-то уже ругался, кто-то поспешно натягивал штаны, а кто-то самый опытный и потому самый недоверчивый, уже тянулся к окну. Виктор был среди них, а рядом с ним, уже почти у окна, стоял старший лейтенант Борис Токарев, правая рука и заместитель командира, мужчина средних лет, его лицо было жёстким и сосредоточенным.

Яркие, слепящие лучи восходящего солнца резали глаза, но сквозь эту золотую завесу они увидели их. Стальная стая. Десятки, быть может, сотни транспортных самолётов, гигантских хищных птиц, летевших на низкой высоте. Их силуэты были огромны, а гул – теперь уже не просто фон, а оглушительный рокот, сотрясавший воздух. Виктор прищурился, и сквозь блики увидел знакомую, но совершенно неуместную маркировку – западного образца. Холодная дрожь пробежала по спине.

Дверь казармы распахнулась с грохотом.

В проём ворвался сержант, его глаза были вытаращены от ужаса, голос сорван на визг: На базу напали! Это не учения!

Слова бойца повисли в воздухе, словно молот, обрушившийся на головы.

Тишина. Мгновенные оцепенения, когда привычные алгоритмы «учения-тревога» рухнули, сметённые ледяным душем осознания. Затем – взрыв активности. Яростный, целеустремлённый. Никто не нуждался в инструкциях. Все оживились, как единый организм, и рванули в сторону оружейной. Звон ботинок, лязг замков, короткие отрывистые команды.

Виктор бежал впереди, чувствуя, как адреналин вскипел в жилах. Рядом с ним мчался Токарев, его взгляд был уже полностью сфокусирован. Лейтенант Летягин, молодой, но толковый офицер, уже обгонял их, его ноги несли его к оружейке. А позади них, на ходу застёгивая разгрузку, бежал рядовой Соболев, самый молодой в отряде, окончил подготовку в спецназе; у него ещё нет боевого опыта, но тренировки сделали его готовым ко всему происходящему.

Оружейная комната встретила их привычной суетой. Выглядела она снаружи как параллелепипед. Хватай, проверяй, заряжай. Автоматы Калашникова образца двенадцатого года легли в руки как родные, их вес успокаивал. РПГ, ящики с гранатами, магазины с патронами – всё разбиралось мгновенно. Бронежилеты «Панцирь 3.1», каски «Спартанец 5.45», костюмы «Горка 4» с камуфляжем «EMR (Лето)». Для выполнения самых опасных заданий нужна была соответствующая экипировка, которой располагали элитные подразделения, как ССО, в котором состояли эти бойцы.

Токарев: Летягин, возьми Соболя и ещё двух бойцов, займите западный фланг! Прикрывайте от склада! Капитан, я с вами, к главному въезду!

Гул усиливался. Земля под ногами задрожала. Взглянув в следующее окно, Виктор увидел, как из нижних люков транспортников опустились трапы. Из их пастей уже сыпались парашютисты, а следом за ними, на платформах, спускалась лёгкая бронетехника – бронетранспортеры, бронеавтомобили. Это не шутки. Это была полномасштабная атака.

Кузнецов: На позиции! По периметру! Не дайте им закрепиться!

Когда он скомандовал, взгляд Токарева упал на командира – 34-летнего всегда гладко выбритого мужчину, с тёмно-русыми волосами и аккуратной короткой стрижкой в немецком стиле. Тот схватил РПГ. Бойцы его отряда, часть общего гарнизона, быстро рассредоточились, занимая оборонительные рубежи у центрального въезда. По всему периметру базы уже слышались взрывы и стрельба, другие подразделения также вступали в бой.

База была полем боя. Враги, стремительно десантировавшиеся и приземлившиеся в нескольких точках, уже начали прорыв. Взрывы гранат сотрясали воздух, свист пуль стал непрерывным фоном. Отряд Виктора, занимавший позицию у одного из въездов на базу, оказался под плотным огнём.

Кузнецов: Сержант! Расчёт РПГ – по бронетехнике! Не дайте им пройти к штабу!

Один из БТРов «Страйкер» противника, нагло прорывающийся сквозь проваленные ворота, был слишком близко. Виктор выстрелил из РПГ. Снаряд точно попал в борт, разорвавшись огненным шаром. Стальной зверь замер, из него повалил дым. Мгновенная передышка, пока другие вражеские машины маневрировали, избегая обстрела.

Рядом с Виктором старлей методично косил вражескую пехоту из своего пулемёта.

Токарев крича, и указывая на группу вражеских солдат, пытающихся обойти их позицию: Лезут как тараканы! Виктор, с фланга заходят!

Виктор быстро переключился на автомат.

Тем временем с западного фланга доносились короткие, но яростные перестрелки.

Боец: Держимся, Капитан! Летягин тут в эфир лезет – отбиваемся! Соболев предложил их закидать гранатами, тренировки не прошли зря!

Виктор почувствовал гордость за своих ребят, даже в этот момент ада. Он видел, как падали враги, как их отряд, хоть и небольшой, держался с невероятным упорством. По всей базе разгорались очаги ожесточённого сопротивления, но враг превосходил числом, и его натиск был неумолим. Бой был тяжёлым. Не было времени на сомнения или страх, только на действия. Огонь был повсюду. Короткие очереди, одиночные выстрелы, крики раненых, лязг отстрелянных гильз. Земля была усеяна ими. Бойцы Виктора сражались отчаянно, но численное превосходство противника было подавляющим. Вражеские штурмовые группы, обученные и безжалостные, прорывались всё ближе к ключевым объектам базы. Враги попрятались по укрытиям, окопавшись в них. К позициям отряда с позывным «Альфа» подбирались десятки бойцов и бронетехники. Среди машин оказались и танки М1А2 «Абрамс», стремительно надвигавшиеся на бойцов.

Радист: Вызываем эвакуацию! Несём потери! Повторяю – нужна эвакуация!

Голос радиста был прерывистым и паническим. Виктор понимал, что долго они не продержатся. Каждый метр территории стоил крови. Они уже вызвали помощь, но когда она придёт? Он видел, как Токарев получил ранение в плечо, но продолжал стрелять, сцепив зубы. Летягин докладывал, что их позицию почти обошли. Соболев, несмотря на страх в глазах, перезаряжал автомат, готовясь к следующей атаке.

Кузнецов: Всем держать позиции! Соболев, Летягин, отвлеките пехоту, я разберусь с бронетехникой!

Бойцы ответили хором: Есть!

Они направились к указанной точке, чтобы увести врага в неправильное направление.

Кузнецов: Токарев!

Токарев: Слушаю, командир!

Кузнецов: Бойцы отвлекут пехоту, в этот момент я займусь бронетехникой, но снарядов у нас мало, каждый на счету. Если в ближайшее время подкрепление не придёт, наша война закончится здесь, даже не начавшись. Установи свой пулемёт на сошки и води огонь так, чтобы они головы не смогли высунуть!

Токарев: Так точно!

Бойцы вели огонь по пехоте, Борис вёл огонь из пулемёта. Кузнецов подбежал к укрытию, зайдя с фланга, он закинул на плечо РПГ. Прицелившись и выстрелив, ракета попала в гусеницу «Абрамсу».

Когда натиск стал совсем невыносимым, когда казалось, что у них больше нет шансов, раздался новый, знакомый гул. В этот раз – спасительный. Над горизонтом появились четыре силуэта, несущиеся с невероятной скоростью: два Ми-24, чьи установки уже начали вести огонь, обрушивая его на наступающие ряды противника, и за ними два Ми-17.

Из динамиков одного Ми-17 раздался знакомый, холодный голос: Капитан Кузнецов, это полковник Нестеров. Держите позицию. Мы вас прикроем. Готовьтесь к посадке.

Боевые вертолёты разносили в щепки бронетехнику и расчищали пространство для эвакуации. Виктор кивнул – Нестеров прилетел, и это было единственным спасением. Отряд, вместе с выжившими бойцами гарнизона, начал стягиваться к вертолётам, попутно отстреливаясь и заполняя транспортные отсеки Ми-24 и Ми-17, чтобы вывезти всех, кто смог до них добраться. Когда все выжившие бойцы вошли в вертолёты, Нестеров и его люди закидали врага дымовыми шашками, повезло, что у тех не было тепловизоров. Вертолёты взлетели, и командир эвакуационной группы доложил по рации бомбардировщикам, что бойцы спасены и можно сравнять противника с землёй. Борт качнулся – вертолёт сдвинулся с места и полетел над лесом. В иллюминаторах в этот момент пролетели бомбардиры, некоторые из отряда капитана посмотрели вниз, чтобы увидеть поверженного врага. База «Тайга» оказалась вся в огне, и в нём горели НАТОвские силы. Отряд капитана радовался, на их лицах была радость за то, что они выбрались оттуда. Виктор был тоже счастлив, но он не показывал этого, он понимал, что это лишь начало, что если сейчас им это сражение так сложно далось, столько потерь и сил, то дальше будет только хуже. Токарев, его давний друг смотрел на него молча, с серьёзным взглядом и всё понимал, каково это.

Глава 2: В глуши

Нестеров: Глубинка, это «Тень», мы входим в ваше воздушное пространство, не стреляйте!

Вертолёт с гулом сели на разрыхлённую полевою площадку, разбитую наспех вдали от основных дорог в лесу. Отряд был над местом назначения – полевой лагерь «Глубинка». Выйдя из салона, обстановку можно было разглядеть: джипы с полевыми антеннами, палатки, генераторы, часовые с напряжёнными лицами. Это был временный командный пункт, созданный в условиях незапланированной ситуации, уже потрепанный войной, которая только набирала обороты. Воздух был тяжёлым от запаха дизеля, сырости и смутного предчувствия беды.

Отряд Кузнецова, уставший и встревоженный, быстро вывалился на землю. Двигались быстро, привычно, без лишних слов. Кузнецов оглядел лица своих бойцов – их глаза были прищурены, движения резкие, словно все они ждали очередного удара. Он видел усталость, но и ту решимость, которая отличала его людей.

Нестеров, не теряя ни минуты, жестом подозвал их к главной палатке – тенту-командиру, где уже собрались несколько связистов и офицеров в потрепанной форме. Внутри было душно и шумно от работы раций. На столе лежала большая тактическая карта Европейской части России. Множество красных стрел, указывающих на глубину вторжения, наводили ужас.

Голос Нестерова был безэмоциональным, но в нём чувствовалась лёгкая тревога: Быстро, Капитан, времени нет.

Нестеров: Ситуация критическая. Присаживайтесь.

Виктор и его бойцы заняли места на ящиках и складных стульях. Кузнецов заметил, как Токарев поправил повязку на своей руке, Соболев нервно оглядывался, пытаясь осознать масштаб происходящего, Летягин сосредоточенно смотрел на карту.

Нестеров, подойдя к спутниковому терминалу, включил новостную ленту. Голос диктора пронёсся по слабому динамику, заглушая треск раций.

Диктор новостей: Сегодня в 6:00 утра западные войска вторглись на территорию России. Совет ООН объясняет это тем, что неделю назад по крупным городам западной Украины были нанесены ракетные удары в ответ на атаку БПЛА. Власти НАТО оправдывают вторжение миротворчеством и защитой западного мира и оставшихся украинцев, настроенных против русских.

В палатке нависла гнетущая тишина.

Один из бойцов Кузнецова, Черненко, сдавлено фыркнул: Так я сам видел, как беспилотники летели на Москву. Западные власти – любители перевернуть всё!

Несколько других солдат закивали, кто-то выругался себе под нос, сжимая приклад автомата. Молодой Соболев непонимающе смотрел то на экран, то на командира, пытаясь сложить картину.

Капитан поднял взгляд, его лицо было жёстким, как камень, не выражая ни удивления, ни негодования. Он уже всё понимал.

Кузнецов: НАТО всегда было нашим врагом, уже давно пора привыкнуть к их бесконечной лжи в адрес нашей Родины. Наш давний враг первый нанёс удар! Политика – это для тех, кто сидит подальше от линии огня. Лично для меня они – паразиты, заражающие своей идеологией культуру, историю и идентичность нейтральных по отношению к ним народов, стирая память о подвигах настоящих героев. А мы на передовой. Наш дом в опасности, лично я не собираюсь его отдавать в лапы зверю, который давно хочет отобрать у меня мою Родину! Война началась, и она затянется надолго. Мы должны связаться с Кремлём и выяснить, насколько всё сложно, и предотвратить дальнейшее продвижение противника вглубь страны!

Тяжёлое молчание. Слова Кузнецова, лишённые эмоций, но полные решимости и вдохновения защищать Родину, отрезвили бойцов лучше любого окрика.

Бойцы Нестерова и Кузнецова собрались у стола с картой.

Нестеров, склонившись над картой: Масштаб вторжения беспрецедентен, Капитан. Они наступают с запада Европы. Воздушное пространство подавлено, система ПВО работает на пределе. Мы теряем крупные города и ключевые военные объекты. Связь с некоторыми центральными штабами потеряна полностью.

Он тяжело вздохнул.

Радист: Товарищ капитан, это вас! Москва на связи! Подойдите.

Синицын (по радию): Кузнецов, обстановка критическая. Противник рвётся к Кремлю. Мы тут горим, но есть ещё одна задача. Утечка информации. Нестеров нашёл зацепку.

Кузнецов: Принял, товарищ генерал. Что за зацепка?

Нестеров подошёл к Кузнецову с планшетом в руках: Виктор, ситуация серьёзная. Москва сейчас не может тратить ресурсы на эти бункеры. Но если связь с Западом идёт через них, это диверсия. Надо пресечь.

Кузнецов: Что известно о бункерах?

Полковник показал на планшете карту с отметками капитану.

Нестеров: Вот, смотри. Это старые советские объекты, законсервированные много лет назад. По официальным данным заброшены. Но по нашей информации, кто-то про них вспомнил. Мы зафиксировали активность в эфире, идущую оттуда.

Кузнецов: Что за активность?

Нестеров: Шифрованные сообщения, направленные на запад. Что именно передают – пока не расшифровали. Но это явно не туристические радиопередачи.

Кузнецов: Сколько бункеров?

Нестеров, отдавая данные о местонахождении противника: Три. Все находятся в радиусе пятидесяти километров отсюда. Вот их точные координаты.

Кузнецов: Что-нибудь ещё?

Нестеров: Это всё, что мы имеем на данный момент.

Виктор повернулся к своим людям.

Кузнецов: Так, всем бойцам «Альфы» собраться рядом со мной!

Его отряд был готов к новым вызовам.

Кузнецов: Москва связалась с нами, у них ситуация там совсем не сахар, но они и полковник передали нам важную информацию. Вблизи есть 3 бункера с подозрительной активностью, мне нужны люди, которые смогут по-тихому пробраться в эти объекты и перехватить разведданные, если таковые имеются. Для операции на каждый бункер по 2 человека. Всем сделать маскхалаты и экипироваться, обязательное снаряжение: снайперская винтовка с глушителем, остальное у вас есть. Летягин, ты со мной. Токарев и Соболев – вы вдвоём. На подготовку времени мало, приступайте. Нестеров, займётесь последним бункером?

Нестеров: Товарищ капитан, я уже выбрал своего бойца. Черненко пойдёт со мной. Он не подведёт.

Кузнецов: Отлично.

В лагере стали делать маскхалаты из листьев леса. Сплетённые из опавших листьев и веток елей, они грубовато топорщились на плечах, но идеально сливались с весенним лесом. Колючие ветки царапались, а сухие листья заставляли потеть в военной форме, но необходимость оставаться незамеченными заглушала дискомфорт. Маскировка была готова.

Кузнецов: Все собрались? Выдвигаемся!

Нестеров позвал капитана: Виктор!

Полковник подбежал к нему: будьте осторожны. Мы не знаем, кто там находится и чем они вооружены. Но если они используют бункеры для связи с врагом, то они опасны. И последнее... Виктор, я доверяю тебе. Найди и пресеки эту диверсию. Это сейчас очень важно для защиты Москвы.

Кузнецов: Так точно, товарищ полковник! Я не подведу, ты же знаешь.

Нестеров: Удачи, Виктор...

Кузнецов: И тебе, Алексей...

* * *

Группы выдвинулись. Кузнецов и Летягин шли в чаще леса. Маскхалаты развеивал лёгкий ветер. За спиной у них было по автомату Калашникова, а в руках СВДМ. Оба оружия были с глушителем. Солнце светило бойцам в глаза. Высокие деревья тянулись вверх, до самого солнышка, а на их ветвях сидели птицы и щебетали что-то на своём птичьем языке. Листья и упавшие ветки хрустели под ногами. Снайперы вглядывались в каждый метр, в каждое дерево. И чем ближе они подбирались к цели, тем громче казался хруст под ногами и в деревьях глазам казались странные силуэты.

Вскоре начали появляться реальные потенциальные угрозы.

Кузнецов прошептал: Стоять! Враг на 12 часов, пора задействовать винтовки.

Прильнув к оптическому прицелу снайперской винтовки, Виктор стал сосредотачиваться, Летягин готовился выстрелить вместе с командиром синхронно.

Кузнецов: На счёт 3 валим их. Твой правый, мой левый. 1... 2... 3! Огонь!

Пули из винтовок бойцов, просвистев, попали в головы патрульным.

Летягин: Должно быть, это часовые.

Кузнецов подошёл к телам убитых:

Шевроны США и эмблема НАТО, камуфляж «Вудланд Марпат» – всё указывало на вторжение и дальнейшую оккупацию России Западом.

Кузнецов: Не думал, что в такой глуши придётся столкнуться с такой серьёзной охраной. Значит мы на верном пути. Вперёд, я уверен, чем ближе мы будем подбираться к цели, тем больше будет солдат противника.

Капитан не ошибся, снайперам пришлось действовать сообща, чтобы ликвидировать группы противника, состоящие из большего числа людей, чем в тот раз.

Бункер был уже совсем близко.

Бойцы подползли к склону, с которого можно было хорошо видеть старый бункер,

Кузнецов: Ложись!

Диверсанты прильнули к земле.

Кузнецов: Так, теперь ползи. Вон там, видишь? То бетонное сооружение, заросшее за все эти годы со времён распада СССР. Это наша цель.

Виктор указал на массивное бетонное здание, которое кажется неуместным, среди густого леса.

Летягин: Так точно! Наблюдаю патруль.

Кузнецов: Сейчас о-о-очень тихо. Если там находятся любые документы с разведанными, то при малейшей суматохе они сожгут их, а нам нужна любая информация.

Летягин прекрасно понимал слова Виктора, ведь капитан сам обучал лейтенанта множество раз.

Толстые стены и узкие бойницы свидетельствовали о надёжности бункера и неприступности. Рядом с оккупантами стояли джипы, на которых они приехали сюда. Около транспорта стояли канистры с бензином.

Убежище охраняли 6 бойцов, если не считая снайпера, залёгшего на крыше бункера, которого удалось разглядеть в снайперском прицеле.

Раздался тихий свист – вражеского снайпера пронзила пуля.

Один есть, осталось шестеро.

Капитан указал на бойцов, отошедших от бункера.

Кузнецов: Теперь по моей команде валим вон тех двух в стороне.

Командир досчитал до трёх и со свистом пули вонзились в солдат, отвлекшихся от патрулирования, и те рухнули на землю.

Кузнецов: Подползём ближе, чтобы лучше всё рассмотреть. Их четверо, зайди под определённым углом, чтобы стены и дверь не задело, расстреляем их из автомата.

Летягин молча исполнял приказы командира, так как сейчас главное не создавать лишний шум.

Кузнецов: Также, на счёт 3 – огонь. 1... 2... 3... Огонь!

Капитан произвёл 2 очереди из своего автомата, Летягин 3, все враги лежали. Никто ничего не заметил.

Кузнецов: Отлично, теперь можно и поискать, чем открыть дверь.

Виктор подошёл к системе пропуска внутрь.

Кузнецов усмехнулся: Тут нужна ключ-карта, давай-ка одолжим их у наших сонных товарищей.

Виктор взял пропуск у первого попавшегося под руку трупа. Лейтенант сделал то же самое.

Они вошли внутрь и спустились вниз по лестнице. За тяжёлой металлической дверью открывался лабиринт коридоров и комнат. Пахло бетоном, сыростью и едким запахом хлорки. Вдали слышались приглушенные голоса и стук сапог – внутри кипела жизнь. Вдоль коридоров располагались казармы с двухъярусными кроватями, заправленными по-армейски. Виктор огляделся.

Кузнецов: Ну что, Летяга, сразу видно – не промахнулись. Я помню, на службе нам часто рассказывали про оставшиеся целые бункеры времён холодной войны на территории бывшего СССР. И вот один из них – в самом рабочем состоянии. Могли ли мы представить, что его захватят вот так?

В центральной комнате стояли столы, на которых валялись журналы, пачки сигарет и фотографии. В ней показались вражеские офицеры, перебирающие какие-то бумаги и очень суетились на своём языке, будто пытались найти какой-то потерянный документ. В других отсеках было некое подобие казарм, где-то стояли койки, а где-то лежали матрасы, на которых отдыхали судя по всему сменившиеся часовые.

Кузнецов: Их тут слишком много, всех разом нам вдвоём их не перебить, не допустив уничтожения данных, но у меня есть одна идея.

Капитан решил закрыть клинкетные двери и сказал Летягину сделать то же самое с противоположной дверью.

Виктор метнулся к одной клинкетной двери, ведущей в казармы, Летягин к другой. Металл скрипел, когда они, сжав зубы, изо всех сил пытались заклинить массивные запоры. Эти махины были рассчитаны на атомный удар, и просто их было не сломать, но задача была другой: намертво вывести из строя механизм, чтобы его нельзя было открыть изнутри казарм. Виктор выхватил свой боевой нож. Его клинок скрежетнул по металлу, когда он с силой вонзил его между зубцами штурвала, пытаясь заклинить механизм поворота. С каждым новым ударом рукоятью, с каждым усилием, он пытался согнуть или разрушить внутренние тяги. Летягин, в свою очередь, бил рукоятью своего ножа по фиксирующему рычагу другой двери, пытаясь согнуть его и заблокировать в закрытом положении. Он поддевал остриём клинка мелкие детали, пытаясь вывести их из строя.

Глухой скрежет, лязг металла и прерывистое дыхание бойцов эхом отдавались в центральной комнате. Спустя несколько секунд оба подняли головы, их лица были покрыты потом.

Лейтенант выдохнул, глядя на неподвижный, искорёженный механизм: Готово!

Капитан, выдёргивая нож, лезвие которого было погнуто и зазубрено подтвердил: Мой тоже.

Замки были выведены из строя. Из-за запечатанных дверей тут же послышался усиленный грохот и яростные крики – враги в казармах поняли, что их заперли, и теперь отчаянно пытались прорваться.

Несмотря на это, русские отошли от дверей и направились в центральную комнату.

Зайдя, диверсанты направили на оккупантов оружие.

Первый американский офицер связи завопил: Не стреляйте!

Второй начал говорить ему по-английски: Ты, что хочешь нарушить его план? Я тебя сам сдам!

Кузнецов (на английском): Мне нужна информация о цели вторжения сил НАТО в Россию! Быстро, иначе получите пулю в лоб и мы найдём сами!

В этот момент второй офицер, тот, что говорил о «плане», видимо, решил, что сопротивление или попытка получить оружие – это единственный способ спастись, чтобы исполнить его. Он метнулся к стоявшему неподалёку автомату, но за мгновение до того, как его пальцы коснулись приклада, Летягин среагировал. Серия коротких, точных очередей ударила по противнику. Это было инстинктивное, мгновенное действие – рефлекс, ставший результатом скоростной подготовки, проявившийся в критический момент.

Кузнецов похвалил лейтенанта: Молодец, быстро среагировал!

Взгляд капитана вновь обратился к первому офицеру, который сжался в комок, видя смерть своего товарища. Теперь он был единственным, кто мог помочь.

Американский офицер связи: Я... Я покажу, только не стреляйте!

Кузнецов: Давай, давай, и чтоб без глупостей!

Офицер пошёл медленно к углу комнаты. Подойдя к плакату, он сорвал его и за ним красовался железный сейф с кодовым замком.

Кузнецов прорычал, глядя офицеру в глаза: Код от сейфа! Живо!

Офицер, дрожа всем телом продиктовал код: 4, 7, 1, 5!

Цифры оказались ключом к пониманию всего происходящего.

Летягин быстро ввёл его, и дверь сейфа открылась. Кузнецов быстро выхватил из сейфа папку документов. Он скользнул взглядом по фамилии «Смит» на одном из них.

С той стороны дверей послышался шум и крики. Враги поняли, что что-то не так, и попытались выломать дверь, но безуспешно.

Кузнецов: Летяга, убери его. Быстро. Нам пора.

Летягин кивнул. Без лишних слов он приставил дуло автомата к голове офицера и нажал на спусковой крючок. Тело рухнуло, обмякнув.

Кузнецов: Пошли! Нужно сравнять это место с землёй. Установим взрывчатку.

Летягин: Так точно!

Диверсанты начали закладывать пластид на стены, в том числе и на клинкетные двери, в которых оккупанты ещё пытались выбраться, но безуспешно, кто-то из них уже сдался. Стук и крики за дверьми усиливались. У людей внутри оставались считанные мгновения.

Кузнецов: Выходим, нужно возвращаться!

Бойцы, выйдя из коридоров, рванули прочь от массивного бетонного сооружения, проламываясь сквозь густой подлесок. Тяжёлые армейские ботинки вязли в перемешанной с хвоей грязи. Кузнецов и Летягин встали на размокшем от апрельской оттепели склоне, скрываясь за мощными стволами кедров. Под ногами хлюпало – земля, пропитанная талой водой, была тяжелой и вязкой. Виктор прижимал к боку планшет с захваченными документами, а в другой руке сжимал детонатор.

Внизу, под толщей камня и бетона, в ловушке остались те, кто ещё несколько минут назад считал себя хозяевами этой тайги. Клинкетные двери были заблокированы намертво – ни выбить, ни вскрыть.

Капитан нажал на кнопку.

Земля слегка содрогнулась. Тайга глухо охнула. Пластид, заложенный у ключевых опорных балок внутри коридора сделал своё дело: лишил опоры многометровый слой армированного бетона. Сначала из вентиляционных отверстий вырвался короткий, резкий свист сжатого воздуха. А затем раздался тяжёлый, нарастающий скрежет. Кузнецов и Летягин видели, как оголовок бункера буквально просел в землю.

Тяжёлые бетонные глыбы, каждая весом в несколько тонн, с рокотом сорвались со своих мест. Выход из бункера запечатало монолитным обвалом. Огромные куски серого бетона, перекрученная арматура и тонны таёжной грязи перемешались, превращая вход в сплошную стену.

Виктор смотрел на то, что осталось от входа. Никакого пламени, никакого внешнего эффекта – только гора бетонного лома, завалившая проход бетонным саркофагом. Бункер не был уничтожен полностью, он просто стал герметичным гробом. Те, кто остался за клинкетными дверями, теперь были отделены от мира не только сталью, но и обрушившимся сводом горы.

В апрельской тишине было слышно лишь, как мелкие камни продолжают осыпаться в свежую воронку. Виктор убрал пульт. Работа была выполнена по-инженерному чисто: враг не просто нейтрализован, он похоронен под толщей собственной защиты.

Кузнецов коротко бросил: Уходим!

Бойцы развернулись и пошли в сторону лагеря, оставляя за спиной мёртвую гору бетона, которая теперь навсегда слилась с таёжным пейзажем.

Кузнецов нажал тангенту рации, закреплённой в чехле на плече: «Глубинка», это Волк. Задача выполнена, мы возвращаемся. Свои, не стреляйте. Мы в маскхалатах.

«Глубинка»: Принято, Волк. Мы вас ждём.

* * *

Бойцы подошли к лагерю, который охраняли часовые.

Часовой «Глубинки»: Проходите, товарищ капитан. Первая группа уже вернулась.

Кузнецов кивнул ему: Вольно.

Виктор, повернувшись к Летягину: Пошли, лейтенант.

Кузнецов и Летягин выходят к лагерю. Бойцы уже собраны. Соболь и Токарев сидят у костра.

Капитан входит в круг света, присаживается к Летягину, снимает маскировочный капюшон.

Кузнецов: Соболь, Токарев, докладывайте.

Соболь: Второй бункер уничтожен. Сопротивления почти не было, только охрана на входе.

Токарев: По нашим целям тоже чисто. Все группы вернулись, кроме Нестерова и Черненко. Ждём их.

Кузнецов достаёт папку из разгрузки: Мы взяли планы вторжения. Первый бункер был узлом связи и штабом. Все их маршруты здесь.

Летягин, присаживаясь рядом: Теперь главное – передать это Синецину.

Кузнецов: Дождёмся Нестерова и выходим на связь. Нам нужно знать, что в Москве.

Вскоре вернулась и третья группа. Бойцы удобно расположились у тёплого костра.

Нестеров: Третий бункер – всё. Сопротивление было минимальным. Капитан, такое ощущение, что они просто бросили эти точки.

Кузнецов кивнул: У нас такая же история. Летягин, выходи на связь с Москвой.

Летягин: Связь есть, капитан. Центр на линии.

Кузнецов взял гарнитуру: «Центр», я «Волк». Все задачи по точкам выполнены. Как обстановка в городе?

Голос Сеницына в радиации прозвучал озадаченно: Принято, «Волк». Тут... странно всё. Враг отступил. Просто прекратили натиск и отошли на исходные. Я в недоумении, почему они бросили позиции, когда почти прорвались. Очень это странно.

Кузнецов: Странно – не то слово. Не к добру это затишье.

Сеницын: Согласен. Ладно, вольно, бойцы. Отдыхайте, но связь поддерживать в любом случае. Мы будем вещать на этой линии постоянно.

Кузнецов возвращает гарнитуру Летягину, переключая взгляд на огонь: Чтобы они отошли, когда победа в руках? Не к добру это.

Токарев: Может, мы им связь так обрубим, что они ослепли?

Кузнецов качнул головой: Или они готовят что-то похуже. Всем отдыхать по очереди. Оружие держать при себе. Если рванем – времени на сборы не будет. Мы так и не прочитали толком, что в этих документах, думаю сейчас самое время, пока оно у нас есть. Давайте изучим что там, но внимательно.

В папках оказались детальные схемы захвата Лубянки регулярными частями НАТО: маршруты танков, точки высадки десанта, графики подавления связи. Ответственным за всё являлся некий американский генерал – Смит.

Кузнецов: Вот оно. У нас есть их полный план. Они собираются зажать здание в клещи с двух сторон. Если мы высадимся здесь и перекроем эти два переулка, их график полетит к чертям.

Виктор смотрел в одну точку.

Кузнецов: ЧВК «Storm». Здесь это название на каждой странице. Судя по всему, именно они – основная ударная сила Смита, вот кого мы видели в бункерах, я думаю это теневая организация.

Нестеров всматривается в текст: Никогда о них не слышал. Но почерк у них... дерзкий. Капитан, смотри на тайминги: они уже были в движении, пока регулярные части НАТО только начинали отходить.

Кузнецов: Возможно, они в подчинении лично у Смита.

Летягин сверяет координаты: Они опережают нас. Пока мы зачищали бункеры, «Шторм» уже просачивался в город. Они уже там, Виктор. Под самым носом у Сеницына.

Токарев: Как мы могли их пропустить?

Кузнецов спокойно убирает документ: Смит слишком самоуверен. Он думает, что он на шаг впереди всех, и эта беспечность заставляет его действовать нагло. Он считает, что мы – лишь мелкая помеха, которую он уже просчитал и оставил позади.

Нестеров: Самоуверенность ведёт к беспечности. Они даже не маскируют свои перемещения в этих протоколах, потому что уверены – читать их будет некому.

Кузнецов: Вот на этом мы их и поймем. Пусть думают, что они уже победили.

Токарев: Значит, мы их опережаем. Мы будем там раньше, чем их передовые группы развернут штаб.

Кузнецов: С этим разобрались. Но эта фамилия, Смит? Знакома мне... Где-то я её уже слышал. Когда-то давно...

Летягин отрываясь от планшета с документами: Вы его знаете, капитан?

Кузнецов мотает головой, не сводя глаз с бумаги: Нет. В лицо – точно нет. Но фамилия... она как эхо. Словно я уже сталкивался с его методами или слышал этот позывной в радиоперехватах. Давным-давно... Словно старый шрам заныл. Тянет в холод...

Токарев: На Донбассе? Тогда в четырнадцатом много кто из «советников» светился.

Кузнецов медленно покачал головой Борису: Может быть. Тогда это был просто голос в радиоперехвате или подпись на ящиках с «гуманитаркой» для той стороны. Но это имя... оно осело в памяти как дурной предвестник.

Нестеров: Если это тот самый человек, значит, он шёл к этой цели годами.

Кузнецов захлопнул папку, взгляд становится стальным: Если это он, то теперь я знаю, что это личное. Он думает, что мы забыли. Но мы помним всё. Каждый момент, что они тогда устроили... Но сейчас у нас в руках его план операций. Теперь всё просчитано, мы знаем чего от них ожидать. Мы стали на шаг впереди. Вольно, бойцы. Завтра предстоит тяжёлый день.

Летягин: Капитан, почему мы не полетим сейчас, когда они отступили, вывезем генерала, пока есть время.

Кузнецов: Враг отступил, лейтенант, сейчас в этом нет смысла, но явно что-то здесь не так.

Документы остались лежать в папке у бревна, который служил сиденьем у костра. Лейтенант задумчиво помешивал горящий костёр веткой, глядя на пляшущие языки пламени. Он молчал довольно долго, прежде чем нарушить тишину.

Летягин: Виктор, я что спросить хотел, Тот офицер... в бункере. Почему ты приказал его убить? Он ведь уже всё сказал, и был безоружен.

Капитан обрёл вновь стальной взгляд, но решил его отбросить, вновь став слегка усталым: Война тяжёлая штука, Летягин. Если не мы, то они убьют нас. А смысл брать пленного, который не знает ничего и всё сказал уже? Тем более который отправился воевать против нас, убивать нас. У нас нет времени и ресурсов нянчиться с теми, кто хочет нашей смерти. Любая секунда промедления, любая слабость – это жизни наших бойцов. Ты слышал по радиации, что там творится, Летяга. Москва горит. Каждый, кто против нас, должен быть нейтрализован, если он нам больше не нужен. Иначе следующим мертвецом может стать тот, кто тебе дорог, тот за кого ты несёшь ответственность.

Летягин кивнул, медленно переваривая слова командира. В его глазах читалось понимание, смешанное с горечью. Он знал, что Виктор прав, как бы тяжело это ни было осознавать.

Летягин: Что-то я немного забыл, где я...

Кузнецов: Ничего, всё равно мы частенько друг другу напоминаем и направляем друг друга. Ладно, сегодня все устали, а завтра будет ещё хуже, нужно хорошенько отдохнуть.

Летягин: Да, согласен.

Глава 3: Москва

На рассвете рация в штабной палатке начала разрываться от криков и грохота взрывов на том конце линии.

Голос Сеницына сорван на крик, на фоне слышны автоматные очереди: «Волк»! Они вернулись! Натиск вдвое сильнее! Оборона прорвана, они уже в правительственном квартале! Они идут прямо к нам! Повторяю, они прут всей массой, используют тяжёлую артиллерию и беспилотники! Лубянку зажимают!

Кузнецов срывается с места: Всем подъём! Токарев, людей к вертолётам! Соболев, буди пилотов, пускай прогревают!

Токарев: Понял, Виктор! Группа, подъём! Идём на Москву!

Нестеров быстро хватает автомат: Значит, это была ловушка... Они просто ждали, пока мы расслабимся!

Кузнецов: Они ждали момента, чтобы ударить наверняка. «Тень», бери своих и во второй борт. Летагин, все карты с собой! Идём в Москву, пока там ещё есть кого спасать! «Альфа», выдвигаемся!

* * *

Вертолёты Ми-8 и Ми-24 летели в сторону Москвы. В десантном отсеке шумно. 30 бойцов сидели в два ряда. Виктор смотрел в иллюминатор. Токарев проверял связь с бортами. Летагин ещё раз пересматривал документы на планшете. Через иллюминаторы проглядывали огни, но не те, что привычны Москве. Это были багровые сполохи пожаров, чёрный дым, стелющийся по горизонту, и редкие вспышки, обозначающие активные боевые действия. Город горел.

Кузнецов обратился к Токареву и Нестерову: Слушайте вводную. В Москве сейчас хаос. Смит или кто там за пультом вчера просто прощупывал нас. Сегодня они пошли ва-банк.

Нестеров : Значит, Лубянка – это только начало. Если они её возьмут, они обезглавят всю координацию в городе.

Кузнецов: Именно. Наша задача – вытащить Сеницына. Не ввязываться в уличные бои с регулярными частями, если можно обойти. Но помните: против нас могут выйти профи. Те, кто вчера «странно отступил». Наверняка это те люди, которых мы видели в тайге, наёмники.

Токарев: Разберёмся. Мы тоже не на парад летим.

Капитан обратился к Летагину:

Кузнецов: Как только сядем, твой терминал должен быть активен. Нам нужно будет знать, где враг в реальном времени. держи документы при себе. Если со мной что – папка должна попасть к Сеницыну или в штаб обороны.

Пилот сообщил по внутренней связи: Вижу МКАД! Впереди дым! Москва на связи, диспетчеры кричат о прорывах на западе. Нас ведут к Китай-городу... Чёрт, к центру!

Кузнецов : Как связь с диспетчером зоны?

Пилот: Всё штатно. Нас ведут. Дали «зелёный» по коридору «Восток-3». ПВО оповещено, мы в списках на проход.

Виктор повернулся к бойцам: Проверьте гарнитуры ещё раз. Как только войдем в зону города, связь может начать сбоить – Смит наверняка включил все свои глушилки, чтобы ослепить штабы.

Летагин глянул в иллюминатор: Смотрите, МКАД... Там уже пробки из брошенных машин. Но наши части стягиваются к центру.

Нестеров: Капитан, если городские кварталы уже под ними, нас могут встретить с крыш из ПЗРК. Спецпура Смита наверняка заняла высоты.

Кузнецов: Поэтому пилоты пойдут «по крышам». Будем прыгать в самый ад.

Кузнецов вновь обратился к пилоту: Входим в черту города. С этого момента внимание на крыши. Наши ПВО нас не тронут, а вот у диверсантов Смита на высотах могут быть «Стингеры», так что да (обращаясь вновь к Нестерову), полковник, вы правы.

Соболь оторвался от иллюминатора: Понял тебя, Волк. Мои ребята смотрят в оба. Пока чисто.

Кузнецов: Раз так, значит летим к Китай-городу. Пилоты, снижайтесь до минимума, идём вдоль проспектов. Нам нужно высадиться максимально близко к Лубянке, чтобы не тратить время на марш-бросок через полгорода.

Нестеров: Там может быть слишком жарко для посадки, капитан.

Кузнецов: Высадимся по-штурмовому, если площадки не будет. Люди Синицына там не вечны. Главное – ворваться в здание до того, как враг вскроет бункер.

Пилот: Вижу цель! Впереди Китай-город. Вижу очаги пожаров в районе Лубянской площади. По нам ведут огонь из стрелкового с крыш!

Кузнецов дёрнул затвор автомата: Приготовиться к высадке! Работаем по группам! Соболь, прикрываешь левый фланг, Токарев – правый. Мы с Летягиным идём прямо ко входу!

Как только вертолёты начали снижаться, рёв турбин перекрыли далёкие, но нарастающие звуки боя – треск автоматов, гул бронетехники, глухие взрывы. Посадка была жёсткой, почти аварийной. Едва шасси коснулись земли на одной из опустевших площадей, как Нестеров распался дверь.

Нестеров прокричал: Выходим! Враг повсюду!

Капитан выпрыгнул первым, приземлившись прямо в месиво городской войны.

Москва встретила их адом. Улицы были залиты огнём. Повсюду валялись остовы сожжённых машин, баррикады, наспех собранные из подручных средств. Отряд Кузнецова мгновенно оказался в эпицентре хаоса. Вражеская пехота, при поддержке лёгкой бронетехники, прорывалась по улицам, подавляя разрозненное сопротивление. Свист пуль стал настолько плотным, что казалось, сам воздух вибрирует.

Кузнецов: Оборона! Позиции!

Бойцы его отряда, привыкшие к мгновенным действиям, залегли за обломками. Токарев тут же открыл огонь из ПКМ, прикрывая развёртывание. Летягин, прикрываясь бетонным блоком, отдавал указания другим солдатам гарнизона, которые также держали оборону на площади. Соболь, несмотря на отсутствие опыта в «горячих точках», хладнокровно бросал гранаты, подавляя огневые точки противника, показывая, что его спецназовская подготовка была на высоте.

Бой был жестоким. Они держались изо всех сил, но враг наступал волнами, давил числом, словно заранее знал, где и как лучше атаковать. Их обходили, прижимали к земле, и Кузнецов понимал, что долго они не продержатся.

В этот момент в шлеме Кузнецова раздался хриплый, но властный голос Синицына: Кузнецов! Это Синицын! Отступайте в бункер на Лубянке, другого выхода нет! Код доступа «Крепость»! Лифт в восточном крыле здания ФСБ! Вас жмут, я вижу! Прикрою отход насколько смогу!

Генерал Синицын... Значит, он был где-то рядом, и, очевидно, обладал доступом к системе наблюдения. Это был шанс.

Кузнецов: Отход к зданию ФСБ! Быстро! Прикрываемся!

Отряд, прикрываясь огнём Ми-24, которые всё ещё кружили над ними, прорывался сквозь обломки и огонь. Каждый метр давался с кровью.

Добравшись до массивного здания Лубянки, они обнаружили, что оно также находится под штурмом. Бойцы, оборонявшие его, были на исходе сил. Внутри царил полумрак и дым. Отряд «Альфа» нашёл лифт – старый, бронированный, уходящий глубоко под землю.

Кузнецов: Все внутрь! Живо, иначе здесь все поляжем!

Капитан держал оборону у шахты лифта, пока его бойцы и часть выживших солдат ФСБ спускались вниз. Токарев получил ранение в ногу, но продолжал вести огонь. Последним в лифт запрыгнул Соболев, прикрыв дверь.

Спуск был быстрым и тревожным. Бункер на Лубянке встретил их лабиринтом коридоров и перепуганными офицерами. Здесь находился временный командный пункт, откуда генерал Сеницын пытался координировать оборону. Он был крепким мужчиной лет пятидесяти пяти, с пронизательным взглядом и усталыми, но твёрдыми чертами лица.

Сеницын: Рад, что добрались, Капитан Кузнецов. Слишком много потерь. Враг... он словно читает наши мысли.

Генерал только начал говорить, но его слова оборвал оглушительный взрыв. Враг нашёл их. Верхние уровни бункера содрогнулись. Взрывы следовали один за другим, и вскоре послышался топот множества сапог, перестрелки в коридорах. Это были элитные отряды НАТО, которые, невероятно быстро, пробili себе путь даже в подземную крепость.

Начался ближний бой в бункере. Отряд Кузнецова отчаянно защищал командный пункт, где Сеницын пытался уничтожить какие-то документы и отдавал последние приказы по рации. Коридоры превратились в мясорубку. Стены были изрешечены пулями, воздух заполнили пороховая гарь и крики.

Токарев кричал, прижимаясь к укрытию: Фланг прорывают! Держимся!

Летягин и Соболев, работая в паре, отсекали противника, но их было слишком много, и они были слишком хорошо подготовлены.

Вражеские командос, словно призраки, двигались с невероятной скоростью и координацией. Они целенаправленно прорывались к генералу, игнорируя другие цели. Кузнецов понял их замысел и бросился на перехват, пытаясь перекрыть проход. Но было поздно.

Вдруг в помещение влетели светошумовые и дымовые гранаты. Коридор ослепила яркая вспышка. Команда инстинктивно упала, ослеплённая и дезориентированная. Сквозь дым слышались короткие, чёткие команды на английском языке. Донеслись звуки борьбы, но они быстро стихли. Это остатки захватчиков, которые устраняли последних свидетелей или завершали операцию. Когда зрение вернулось, Виктор увидел, как двое рослых бойцов НАТО уводили Сеницына прочь. Генерал, хоть и сопротивлялся, но был подавлен. Его взгляд на мгновение встретился со взглядом Кузнецова. В нём читались не отчаяние, а какая-то глубокая, страшная горечь и, возможно, невысказанный приказ.

Кузнецов первым вскинул автомат. Несколько наёмников «Шторма» уже лежали в лужах крови у самого выхода – «Альфа» успела сработать на рефлекс, как только зрение вернулось. Но праздновать было нечего.

Тяжёлый гул сотряс стены. Очередной направленный взрыв обрушил своды основного коридора, отрезая Кузнецова и его людей от уходящей группы захвата. Сеницына вырвали прямо из их рук. Грохот падающих бетонных плит поставил точку: проход был завален намертво.

В помещении повисла давящая тишина, прерываемая лишь треском искрящей проводки и тяжёлым дыханием бойцов.

Момент упущения. Провал. Генерал Сеницын был захвачен. Обрушенные перекрытия и грохот стихающих выстрелов оставили Виктора наедине с гнетущим осознанием собственной беспомощности. Вокруг сустились выжившие, медики оказывали первую помощь, но Кузнецов ничего не видел и не слышал. Его разум работал на пределе, пытаясь осмыслить произошедшее.

Капитан был в недоумении: Что это, чёрт возьми, было сейчас? Как?.. Этого не было в планах...

Токареву вдруг пришло осознание: Они не работали по тем схемам, Виктор! Они зашли с технических уровней, о которых мы даже не подумали!

Капитан глядел на пустой коридор, где только что стоял генерал.

Кузнецов: Самоуверенность... Она всегда ведёт к беспечности. Мы думали, что раз у нас их план, то мы на шаг впереди. А они просто выкинули старый план в мусор и прислали «Шторм» по наводке.

Летягин: Капитан, они нас переиграли на ходу...

Виктор: Они использовали нашу уверенность против нас. Мы расслабились, решив, что всё знаем.

У капитана в голове вдруг зародился монолог, мысли закрутились: Стоп, откуда они узнали, что Синицын здесь, в бункере ФСБ на Лубянке? Откуда они вообще узнали о том, кто он?! Обычные бойцы НАТО, даже спецназ, не смогли бы реализовать такую операцию, не зная ничего наперёд, не имея точных координат и разведданных.

Слова падали в пространство, и вместе с ними навала тяжёлая, удушливая атмосфера. Воздух казался густым от гари и внезапно возникшего недоверия. Бойцы переглядывались. Каждый из них – профи, каждый знает: пройти три периметра защиты и уйти с генералом за пять минут без помощи «изнутри» невозможно. Давящее молчание длилось вечно.

Кузнецов: Они не знали, что мы прилетим. Они знали, где Синицын. И они знали, когда он будет здесь.

Летягин: Что ты имеешь в виду?

Кузнецов: Посмотри на прорыв. Они не пробивались через периметр. Они ударили точно в эту точку. Они знали схему бункера. Они знали, что Синицын будет сидеть здесь, а не в другом месте.

Виктор поворачивается к Нестерову, в его глазах – ледяная, профессиональная ярость.

Кузнецов: Нестеров, мы – единственные, кто знал, что Синицын находится здесь. Единственные, кто слышал этот звонок. Спецподразделения НАТО не могли бы действовать так скоординированно без чётких разведданных.

Наступила напряженная тишина. Нестеров и Летягин поняли, куда клонит Виктор.

Нестеров неохотно произнёс: Крот?

Виктор медленно закрыл глаза и сделал тяжёлый, выжигающий лёгкие вздох. Он понимает, что с этого момента мир изменился. Теперь нельзя доверять даже стенам.

Кузнецов: Да... Наши самые худшие опасения подтвердились. И этот крот сдал врагу генерала Синицына.

Токарев: Они ушли. Капитан, они просто растворились. Ушли так же быстро, как и зашли.

Летягин посмотрел на экран монитора, который внезапно ожил: ПВО в секторе подавлено. Вижу на радаре две метки, уходят на запад на предельно малой. Судя по всему это они и увозят генерала.

Виктор поднял с пола пустую обойму, оставленную наёмником Смита: Они не собирались брать здание. Им нужен был только он.

Токарев: Что теперь? У нас тридцать человек и заваленная Лубянка за спиной.

Голос Кузнецова звучал хрипло, но уверенно: Ну должна же быть хоть одна зацепка... «Альфа», к делу! Обыскать тела наёмников. Они не могли идти вслепую. Наверняка у них был чёткий маршрут и план по эвакуации генерала. Ищите всё: электронику, карты, записки.

Бойцы молча принялись за работу. Они переворачивали тела в чёрном камуфляже ЧВК «Шторм», методично проверяя каждый карман и разгрузку. Кузнецов стоял у завала, сжимая цевье автомата так, что побелели костяшки. Летягин, работавший у тела командира группы

«Шторм», замер. Он аккуратно надрезал тактическим ножом внутреннюю сторону манжета куртки наёмника.

Летягин: Командир, есть кое-что. Вы были правы, это их мы встретили в том бункере.

Он вытянул узкую полоску прорезиненной ткани. На ней не было слов – только три ряда цифр и странный буквенный индекс в конце.

Капитан взял бумажку, мельком взглянул и передал Нестерову.

Кузнецов: Набор цифр. Похоже на координаты, но сетка не наша. Летягин, планшет.

Нестеров принялся внимательно изучать полоску: Это не просто координаты. Это двойной шифр. Первый ряд – смещение по времени, второй – ключ к сетке частот. А индекс в конце...

Нестеров быстро ввёл последовательность в тактический планшет, сверяя её с базой данных зашифрованных каналов НАТО. Экран выдал несколько ошибок, прежде чем строки начали выстраиваться в логическую цепь.

Нестеров: Расшифровал. Это точка сбора для эвакуации бортом вне зоны радаров. Первая группа цифр даёт нам время – окно в сорок минут. Вторая – квадрат.

Он развернул планшет к Кузнецову. На цифровой карте высветилась точка на окраине Праги.

Нестеров: Чехия. Пригород на окраине Праги. Похоже они собираются провести допрос там, вдали от лишних глаз. Если мы не успеем вытащить генерала, может стать слишком поздно. Надо тщательно подготовить операцию.

Летягин: И что мы будем делать? У нас на руках только эти документы из тайги и шифровка.

Виктор сказал твёрдо, перекрывая шум отдалённых взрывов: Слушайте сюда! То, что задача может показаться проваленной – это туман. На деле она ещё даже не начиналась. Всё начинаем с нуля.

Токарев поднял голову: С нуля? Виктор, мы потеряли генерала в самом защищённом месте страны.

Кузнецов: Мы не потеряли его, мы узнали, где он будет. Теперь мы знаем врага в лицо. И на сей раз будем действовать слаженней. У нас нет времени на самобичевание.

Виктор посмотрел на папку и зашифрованную записку.

Кузнецов: У нас есть то, ради чего мы сюда летели. Они думают, что мы будем разгребать завалы здесь. Но мы пойдём за ними по горячим следам.

Летягин: В Чехию? Без приказа, на территорию НАТО?

Кузнецов: Приказ нам дал Синицын, когда отправил координаты бункеров. Мы – всё, что у него осталось.

Летягин вздохнул: Значит, идём до конца?

Кузнецов: Идём до победы. Других вариантов нет. Токарев, собирай людей. Идём к вертолёткам, пока ПВО не восстановили и нам не закрыли небо. По машинам.

Токарев: Понял, Виктор. Мужики, слышали капитана? Группы, на выход! У нас есть шанс всё исправить.

Виктор, посмотрел на тяжёлые двери бункера на Лубянке, те, что поменьше, по неприметнее – запасные.

Кузнецов: Идём запасным путём, благо он тут есть, а то б застряли на веки.

Капитан нажал с усилием на кнопку и ворота со скрежетом отъехали в сторону.

Бойцы поднялись наверх на лифте, и выйдя наружу, воздух войны вновь ударил в лицо, смешиваясь с тягучим запахом керосина.

Виктор Кузнецов, шагавший во главе отряда, мельком окинул взглядом разрушение. Его глаза, привыкшие к худшему, сейчас впитывали новые детали хаоса. Эта сила, что прошла

по городу, была не похожа ни на что, с чем им приходилось сталкиваться раньше. Но цель оставалась прежней.

Отряд подошёл к вертолётам, на которых прилетел в Москву.

Голос Виктора, обычно ровный, теперь звучал чуть резче, словно наточенный о сталь.

Кузнецов: Соболев, давай к пилотам. Сообщил: курс – Чехия. Генерал ждёт.

Соболев: Так точно, товарищ капитан!

Рядовой, уже наученный горьким опытом последних сражений, рванул к вертолетам.

Кузнецов: Сообщать наверх одно время не стоит. Любое изменение плана может спугнуть крота.

Нестеров: Я согласен, всё планируем совещаясь. По крайней мере пока что...

Отряд, словно единый механизм, занял свои места. Снаряжение было закреплено. Двери захлопнулись с глухим стуком, отсекая их от суетного мира. Гул лопастей нарастал, превращаясь в мощный, пульсирующий звук.

С ощутимым рывком вертушка оторвалась от земли. Москва, ещё погруженная в пред-рассветный сумрак и изувеченная работой «Шторма», осталась внизу – лишь редкие огни прощались с ними. А впереди, за иллюминаторами, расстилалась бескрайняя ночь, ведущая их на Запад. Навстречу генералу. И к той самой цели, которую они выбрали.

Глава 4: «Призраки»

Вертолёт летел в сторону Чехии. В десантном отсеке Ми-8 стоял тяжёлый гул, перекрывающий даже мысли. Бойцы «Альфы» сидели друг напротив друга, закованные в броню, их лица казались застывшими масками в тусклом освещении.

Старлей, перекрикивая шум лопастей, наклонился к Кузнецову.

Токарев: Виктор, а точно мы в полной боевой готовности? Не нравится мне это всё...

Друг командира обвёл рукой отсек: Слишком много времени прошло. Зона поиска – чужая земля, информации минимум.

В группе пошли кивки. Сомнения, которые копились в бункере, теперь вырвались наружу. Слишком долго Сеницын был в руках «Шторма» или кого-то ещё. Слишком велика вероятность, что спасти уже некого – или не стоит.

Полковник, сидевший ближе к кабине пилотов, поднял взгляд. Его голос, даже не очень громкий, прорезал гул вертолёта.

Нестеров: Увы, мужики, но выбора у нас нет. Сеницына надо вытащить любой ценой. Даже если всё вокруг орёт, что он раскололся и сдал нас с потрохами. Он знает слишком много, чтобы оставлять его там.

Тишина в отсеке стала ещё тяжелее. «Любой ценой» на языке «Альфы» часто означало цену их собственных жизней.

Капитан медленно обвёл взглядом своих людей. Он видел их усталость, видел их сомнения, и сам чувствовал то же самое. Но он был командиром.

Виктор отрезал короткую фразу, и в его голосе прозвучал тот самый холод, который заставлял подчиняться: Полковник прав. Что бы там ни было, выбора у нас нет. Мы слишком далеко зашли, чтобы сейчас давать заднюю. Мы идём до конца. Раскололся или нет – разберёмся на месте. Если надо будет, всех врагов под корень, кто узнал информацию. А сейчас – проверьте магазины.

Он замолчал, глядя в иллюминатор на тёмную землю внизу. Родина дала приказ, и это было наивысшее оправдание для всего, что им предстояло сделать в Чехии.

* * *

Группа прибыла на место под покровом ночи, вдали показался населённый пункт, сельского типа.

Бойцы лежали на холме, в густом подлеске, осматривая посёлок. Мокрый мох пропитывает форму холодом, но никто не шевелится. Внизу – несколько патрулей, бронетехника, много врагов. Внизу, в долине, раскинулась деревня, превращённая в военную базу. Бронетехника с эмблемами НАТО и патрули в форме ЧВК «Storm» контролируют каждый метр.

Лейтенант смотрел в бинокль.

Летягин: Вражеская ЧВК «Storm». Много. Повсюду. Минимум два взвода пехоты, у них там ещё и броня. И эти...

Лейтенант перевёл взгляд на центр деревни и указал на здание: Кузнецов, глянь. Зачем так выделяться?

Виктор взял бинокль. Его взгляд замер на массивном каменном здании старой постройки. Оно обнесено колючей проволокой под током, а на крыше видны антенны подавления связи. Смит не любит играть в прятки.

Кузнецов: Он любит доминировать. Если Сеницын там, то Смит выставил это здание как витрину. «Смотрите, я забрал вашего генерала, и вы ничего не сделаете».

Нестеров: Склад? Штаб? Смит не любит прятаться. Либо это ловушка, либо самоуверенность Смита окончательно превратилась в безумие.

Виктор резко опустил бинокль, его глаза сужаются: Тогда в тайге мы думали точно также, и эта самоуверенность в Москве стоила нам генерала. Теперь она может стать его смертью. Но что-то здесь не так...

В центре деревни стояло единственное выделяющееся здание – старая, массивная каменная постройка, возможно, бывший склад или церковь, окружённая колючей проволокой.

Виктор смотрел в бинокль, его тон был строгим: Синицын должен быть там. Зачем Смит удерживать его в таком очевидном месте? Это бред. Ты прав, зачем так выделяться?

В этот момент, в узком окне нижнего этажа выделяющегося здания, вдруг мелькнула серия быстрых, едва заметных вспышек света – очень коротких, беззвучных. Три быстрых, два длинных – световой код, который не предназначен для вражеских глаз.

Летягин вздрогнул: Что за чёрт? Выстрелы? Это был сигнал?

Капитан резко поднимается на одно колено, автомат в руках перешёл в боевой режим: Тихо. Так, вперёд! Мы должны проверить, что это. Идём тройкой. Дистанция – пять метров.

Бойцы спустились по склону бесшумно, как тени. Внешний патруль «Storm» был снят Нестеровым так быстро, что наёмники даже не успели выпустить сигареты из зубов. Капитан встал у массивной дубовой двери. Он сделал короткий жест – «заходим». Удар подошвой в район замка – дверь влетает внутрь.

Виктор врывается первым, ствол автомата ведёт сектор.

Кузнецов: Чисто! Влево!

Но стрелять не в кого. Холл завален трупами наёмников ЧВК «Storm». Это были элитные бойцы, экипированные по последнему слову техники, но сейчас они выглядели как манекены, у которых перерезали нити. Пулевые ранения точно в лоб, но никакой крови на стенах. У тех, в ком не было пуль были только сломанные шеи и точные, профессиональные удары ножом в сочленения бронежилетов.

Капитан опускает ствол, медленно подходит к одному из убитых. Он переворачивает труп и осматривает разрез на горле.

Кузнецов: Да ладно... Не может быть. Настоящие призраки.

Лейтенант озирался по сторонам, голос его сорвался на шепот: Чего?! Капитан, кто это сделал? Тут же была целая группа охраны!

Виктор встал, его голос прозвучал с оттенком сурового уважения: Это был не штурм. Это была зачистка. А почерк... Отряда Зубова.

Нестеров: Зубова? От него уже несколько лет ни слуху ни духу! Я уже не знаю сколько не слышал вестей от «Вагнера».

Капитан посмотрел вглубь тёмного коридора.

Кузнецов: Я бы сказал даже, что Зубов – это не один человек, Нестеров. А целая сеть. Люди в его отряде – это «Призраки», которые не числятся ни в одном реестре. Он способен обмануть.

Капитан Кузнецов быстро достал спутниковый телефон, набирает короткий код: Зубов, это Виктор на связи.

Пауза. В динамике рации слышен треск, затем ровный, уверенный голос майора.

Зубов: Привет, сынок. Я знал, что ты позвонишь.

Голос Виктора стал смесью облегчения и ярости: Какого хрена, Зубов? Почему я только сейчас узнаю, что ты здесь? Почему мы не знали? Как вы их сняли так бесшумно?

Зубов: Синицын представляет важную персону, Виктор. Одного отряда мало, особенно с такой охраной врага. Вам нужна страховка. Кто-то очень не хочет, чтобы генерал был спасён. Нам нельзя допустить, чтобы его раскололи. Я хотел подстраховать вас.

Кузнецов: Почему ты не сказал раньше?

Зубов: Не хотел зря беспокоить. Сам знаешь, что случилось в Москве.

Кузнецов: А, чёрт, точно... Значит ты уже знаешь.

Зубов: Да, давай встретимся в точке «Браво». Это старая лесопилка в двух километрах к северу. Вместе мы скоординируем действия и эвакуируем Синицына.

Кузнецов: Принято. Точка Браво.

Капитан отключает связь. Он смотрит на Нестерова и Летягина.

Нестеров: Значит, мы не одни.

Кузнецов: Значит, у нас есть союзник. Но и враг, который знает каждый наш шаг.

Капитан смотрит на Нестерова, задача спасти генерала сейчас была важнее расследования о кроте, но было временно отложено.

Кузнецов: Синицын оказался куда предусмотрительнее, чем мы думали. Он подготовил этот отряд на случай, если официальная охрана подведёт. И они уже здесь.

Летягин: Значит, у нас есть все шансы?

Капитан начал движение по коридору.

Кузнецов: Думаю, да, этот отряд «Вагнера» – надёжная опора. Идём, сегодня у Смита будет непростая ночь. И мы не имеем права оставаться в стороне.

* * *

Отряд Виктора занял позиции, закрепившись среди руин старого сарая. Они двигались с холодной эффективностью, выработанной в недавних боях. Виктор, сжимая своё оружие, ждал сигнала. Бойцы подошли к окраине небольшого, частично разрушенного посёлка. Вечерние сумерки, вокруг – полуразрушенные дома, брошенная техника. Вскоре на гребне невысокого холма, метрах в пятистах, появилась тень. Это был майор Владимир «Призрак» Зубов, который стал для капитана отцом ещё в 2014, когда Виктор воевал на Донбассе в ополчении. Рядом с ним стоял человек, державший в руках небольшой, но явно дорогой дрон. Майор быстро установил небольшой кронштейн и закрепил на нём трос с автоматическим гарпуном.

Капитан подошёл к нему, отдавая честь, несмотря на то, что Зубов был настроен на рабочую неформальность.

Кузнецов: Здравия желаю, товарищ майор!

Зубов отвлёкся от настройки, его взгляд был сосредоточенным, но без привычной жёсткости. Он посмотрел на Виктора, оглядел его отряд.

Зубов: Вольно, капитан.

Майор улыбнулся уголком рта.

Зубов: Виктор, расскажешь, что именно произошло в столице? А то вся информация лишь поверхностна, а вы там были лично. Я слышал про крота, кто-то решил разрушить дом изнутри, это всегда больно, Витя. Особенно когда заходит так глубоко.

Кузнецов: Нас всех шокировало, как молниеносно они сработали. Прямо под носом. Словно ПВО и охрана бункера для них просто декорации.

Летягин: Мы быстро собрались, но Синицына уже паковали в вертолёт. Коридор был чистый.

Майор кивнул: Тот, кто это задумал, явно готовил план не один месяц. У него должны были быть ключи от всех дверей. Но раз вы здесь, значит, он допустил просчёт.

Кузнецов: Это был Смит.

Зубов: Звучит знакомо, мы раньше не сталкивались с ним?

Кузнецов: Вполне возможно, что в 2014-м, но в лицо мы его не знаем. Кстати...

Капитан выложил на стол зашифрованную записку: Он оставил след. Сняли с одного из его элитников, когда тот пытался прикрыть отход.

Зубов принялся внимательно изучать шифр: Чехия... Логично. Для НАТО это глубокий тыл, а для Смита, или кем бы он ни был – идеальная база, чтобы спрятать генерала. Он думает, что здесь его никто не достанет.

Соболь: Мы готовы идти за ним. Но Чехия – это не наша тайга.

Зубов: В этом лесу другие правила. Вы привыкли к открытому бою, а здесь нужно быть тенью. Пора тебе увидеть, Волк, кто такие настоящие «Призраки».

Кузнецов: Будем надеяться, что он верит, что мы до сих пор разгребаем завалы в Москве.

Зубов усмехнулся: Тогда за работу, введу вас в курс дела. Наш дрон-разведчик вычислил местоположение генерала Сеницына. Он в здании по центру этого района. Большой, крепкий. Вероятно, бывший административный центр.

Он оторвал взгляд от карты и указал на холм, с которого они пришли.

Зубов: Мы поднимемся на холм и воспользуемся гарпуном, после чего спустимся по тросу. Внедрение будет тихое, но быстрое.

Майор обвёл рукой район, где находилось здание, в котором был заперт генерал.

Зубов: По округе шастают патрули. Местные, но хорошо экипированные – похоже, охрана, присланная Смитом лично, чтобы убедиться, что Сеницын не сбежит. Ваша задача – отвлечь их. Создайте шум, заставьте их сконцентрировать внимание на себе. Чем больше шума, тем дольше мы будем у цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.